

В памяти оставался лишь тот белый силуэт, который всегда мягко поднимал его, когда он падал, и ласково спрашивал, не больно ли ему.

Конечно, старшая сестра и дядя Цзян тоже окружали его заботой, но это было совсем другое. Он не хотел показывать им свои раны и печаль. Они подарили ему дом, окружили любовью, и Вэй Усянь считал, что уже счастлив.

Он не хотел их обременять. Этот дом он был готов защищать любой ценой.

Неважно, какую цену придётся заплатить.

Вэй Усянь, с его вечной улыбкой, так хорошо скрывал свои переживания и желания.

Но он был всего лишь семнадцатилетним юношей, который мечтал о ком-то, кто заботился бы о нём, как тот белый силуэт из его воспоминаний.

Кап

Прозрачная капля упала на тыльную сторону руки Лань Ванцзи.

Эта слеза появилась внезапно, и Лань Ванцзи замер, удивлённо подняв голову. Вэй Усянь уже отвернулся, одной рукой прикрывая лицо, а другой энергично обмахиваясь.

— Ха-ха... Жарко, очень жарко, весь в поту, ха-ха...

Тон его голоса был лёгким, но Лань Ванцзи понимал, что это была лишь маска.

Острая боль пронзила грудь Лань Ванцзи. Он сжал губы.

— Вэй Ин, повернись.

— Нет, нет, спереди уже всё готово, обработай мне спину!

— Повернись.

— Ой, правда, всё готово, Лань Чжань, просто обработай мне спину.

Взгляд Лань Ванцзи стал серьезнее. Он протянул руку и крепко схватил Вэй Усяня за неповреждённое плечо.

— Повернись!

Его ладонь была широкой и невероятно горячей, отчего тело Вэй Усяня напряглось. Поняв, что Лань Ванцзи собирается сделать, он запаниковал и начал отбиваться.

— Лань Чжань! Отпусти!

Вэй Усянь не контролировал силу, и тыльная сторона руки Лань Ванцзи моментально покраснела. Но Лань Ванцзи, словно не чувствуя боли, схватил его за плечи и развернул к себе.

Вэй Усянь, испугавшись, быстро прикрыл лицо другой рукой.

— Лань Чжань, не смотри.

В ушах раздался тихий вздох, и оба его запястья мягко обхватили большие ладони.

— Вэй Ин, не бойся.

Вэй Усянь вздрогнул всем телом.

— Я не...

— Хорошо, не бойся.

Лань Ванцзи продолжал играть по его правилам? Вэй Усянь рассмеялся и, спустя долгое время, сказал:

— Лань Чжань, ты правда... Что мне с тобой делать...

— Не бойся.

Голос Лань Ванцзи звучал как обычно, но для Вэй Усяня он был невероятно мягким, заставляя сердце биться быстрее.

Вэй Усянь почувствовал, что, возможно, сходит с ума.

Его руки внезапно ослабли и опустились, но руки Лань Ванцзи продолжали их держать, мягко опуская вниз.

Глаза Лань Ванцзи пристально смотрели на него.

Он плакал.

Глаза были красными, длинные ресницы слегка влажными от слёз. Из-за недавних движений лицо было испачкано слезами, а волосы прилипли к коже, делая его вид слегка комичным.

Но Лань Ванцзи почувствовал тупую боль в груди.

Вэй Усянь, опустив голову, с раздражением сказал:

— Лань Чжань, если ты кому-нибудь скажешь, что я плакал, я с тобой поссорюсь!

Какой же он бесполезный, что плачет!

Лань Ванцзи удивлённо смотрел на него и, услышав эту детскую угрозу, уголки его губ непроизвольно приподнялись.

Эта улыбка, чистая, как снег, в свете огня была поистине завораживающей.

Если бы Вэй Усянь сейчас поднял голову, он бы, вероятно, испугался... нет, восхитился.

Человек, который обычно не улыбается, однажды улыбнувшись, может заставить других потерять голову.

Лань Ванцзи тихо сказал:

— Хорошо.

Это первый раз, когда ты плачешь передо мной, но это будет и последний.

На другом берегу озера Билин Лань Сичэнь собрал дрова у входа в пещеру, но, вернувшись, столкнулся с проблемой. Цзинь Гуаньяо, наблюдая за ним, слегка кашлянул.

— Ахуань, может, я сделаю это?

— Нет, Аяо, ты сиди, я справлюсь, — серьёзно ответил Лань Сичэнь.

Цзинь Гуаньяо: [Ладно, раз ты так настаиваешь, я не буду вмешиваться.]

Голова стала тяжёлой, но он продолжал сидеть и наблюдать, как Лань Сичэнь возится с дровами. Синий свет несколько раз мелькнул в его руках, дрова ненадолго загорелись, но пламя не разгоралось и вскоре погасло.

Цзинь Гуанъяо снова не выдержал.

— Кхе, Ахуань, тебе нужно оставить в центре пустое место, иначе огонь не разгорится.

— Хорошо, — кивнул Лань Сичэнь и сложил дрова в круг, оставив в центре пустое место.

Цзинь Гуанъяо: [???

Голова стала ещё тяжелее. Он потер виски пальцами.

— Нет, Ахуань, тебе нужно сложить дрова в кучу, оставив в центре пустое место.

— Хорошо... — на лице Лань Сичэня появилась лёгкая испарина, и он начал складывать дрова в кучу.

На этот раз костёр наконец разгорелся.

Обернувшись, он увидел, что Цзинь Гуанъяо почти падает, и испугался.

Цзинь Гуанъяо почувствовал тепло, но голова становилась всё тяжелее, и зрение начало затуманиваться. Смутно он увидел, как Лань Сичэнь подошёл к нему. Его чистое лицо было слегка испачкано пеплом. Он протянул руку, чтобы стереть его, и слабо улыбнулся.

— Ахуань, у тебя на лице что-то есть, я помогу тебе убрать...

Лань Сичэнь осторожно обнял Цзинь Гуанъяо, почувствовав его аномально высокую температуру. Он схватил его руку и, нахмурившись, сказал:

— Аяо, у тебя жар!

— А? Правда? Но мне холодно... — невнятно пробормотал Цзинь Гуанъяо, склонив голову на грудь Лань Сичэня. — Ахуань, мне так холодно...

Лань Сичэнь, нахмурившись, крепко обнял Цзинь Гуанъяо и, схватив его запястье, без колебаний передал всю свою восстановившуюся духовную энергию в его тело.

Это его вина. Аяо был тяжело ранен, упал в воду, и он заставил его ждать так долго.

Цзинь Гуанъяо уже был в полубессознательном состоянии, но вдруг почувствовал, как внутри него разливается тепло, рассеивая холод. Это... Ахуань снова передаёт ему духовную энергию? Цзинь Гуанъяо немного пришёл в себя, с трудом открыв глаза.

— Ахуань, не надо...

Не успел он закончить, как его губы были прижаты. Цзинь Гуанъяо замер.

Губы, прижатые к его губам, дрожали. Он боялся?

Губы быстро отстранились, и Цзинь Гуанъяо смутно смотрел на него. Духовная энергия внутри него стала слабее, и в ушах раздался его дрожащий голос:

— Аяо, ты не должен умирать, ты не можешь умереть...

Цзинь Гуанъяо слабо улыбнулся, глаза медленно закрывались. Он изо всех сил старался держать их открытыми, с трудом произнеся:

— Ахуань, когда мы вернёмся в Юньшэнь, я хочу начать практиковать формирование ядра, хорошо?

Он не мог больше терпеть, оставаясь позади Лань Сичэня, становясь его обузой, не способным ему помочь.

Лань Сичэнь крепче сжал его руку и быстро ответил:

— Конечно, конечно, ты сможешь. Когда вернёмся, я помогу тебе сформировать ядро! Аяо, не засыпай, не засыпай!

— Мм...

Цзинь Гуанъяо изо всех сил пытался держаться, но сознание становилось всё более туманным. Он смотрел на лицо Лань Сичэня, не моргая.

Он хотел навсегда запечатлеть это лицо в своей душе, чтобы никогда не забыть его.

Но, кажется, он больше не мог держаться.

Глаза медленно закрылись, и перед тем, как он полностью потерял сознание, он услышал почти сломленный крик Лань Сичэня и почувствовал, как что-то влажное упало на его лицо.

Затем кто-то радостно закричал:

— Здесь! Старший господин Лань и его супруга здесь!

И после этого он погрузился в темноту.

Цзинь Гуанъяо почувствовал, что видел очень долгий сон.

Во сне он снова стал десятилетним мальчиком, вернувшись в Юньпин, когда его мать была ещё жива.

Его мать была мягкой женщиной, добродетельной и благородной. Хотя она и была куртизанкой, она не была запятнана мирской суетой. Она была талантливой, могла слагать стихи и всегда поражала всех своим появлением.

Но встреча с Цзинь Гуаншанем стала началом её трагедии.

Она влюбилась в него и не смогла выбраться. Носила его ребёнка, ожидая мужчину, который никогда не придёт. Какая же она была преданная женщина.

<http://bllate.org/book/15281/1349036>